

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-73-79>

Употребление личных местоимений в лирической поэзии

Мстислав Исаакович Шутан

Нижегородский институт развития образования, г. Нижний Новгород, Россия,
mshutan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0745-9020>

Аннотация. В статье представлены отдельные формулы, фиксирующие морфологические способы выражения субъекта и субъектно-объектных отношений в лирической поэзии. В эти формулы включены личные местоимения с разными грамматическими характеристиками (имеются в виду категории лица, числа, падежа). Автор, опираясь на опыт исследования семантизации личных местоимений в лирической поэзии, на основе лингвостилистического анализа текстов А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина, Б. Л. Пастернака делает вывод о том, что вне прономинальной формулы, способствующей раскрытию жизненной позиции (психологического состояния) субъекта высказывания, лирический текст не существует. В статье акцентируется внимание на последовательности личных местоимений или их падежных форм в рамках поэтического текста. Многообразие прономинальных формул, по мнению автора статьи, свидетельствует о гибкости лирической структуры, так как последняя допускает различные варианты прономинального выражения субъекта высказывания и объектов, к которым он выражает свое отношение.

Ключевые слова: лирическая поэзия, структура, личные местоимения, семантизация, субъект, объект, прономинальная формула, диалог, лицо, число, падеж

Для цитирования: Шутан М. И. Употребление личных местоимений в лирической поэзии // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 4. С. 73–79. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-73-79>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The use of personal pronouns in lyrical poetry

Mstislav I. Shutan

The Nizhny Novgorod Institute of Educational Development, Nizhny Novgorod, Russia, mshutan@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0745-9020>

Abstract. The article presents separate formulae that fix the morphological means of expressing the subject and subject-object relations in lyrical poetry. These formulae include personal pronouns with different grammatical characteristics (here the categories of person, number, and case are meant). The author performs a linguo-stylistic analysis of texts written by A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, S. A. Esenin, B. L. Pasternak relying on the experience of studying the ways personal pronouns are semanticised in lyrical poetry. The paper concludes that the lyrical text does not exist outside the pronominal formula which facilitates the disclosure of the subject of enunciation's life philosophy (psychological state). The article highlights the sequence of personal pronouns or their case forms within the poetic text. In the author's opinion, the variety of pronominal formulae is indicative of the lyrical structure flexibility as it tolerates different variants of pronominal expression of the subject of enunciation and those objects to which he expresses his attitudes.

Keywords: lyrical poetry, structure, personal pronouns, semanticisation, subject, object, pronominal formula, dialogue, person, number, case

For citation: Shutan M. I. The use of personal pronouns in lyrical poetry. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2022;83(4):73–79. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-73-79>.

Введение. В лингвистической литературе уделяется серьезное внимание особенностям употребления личных местоимений.

Например, Д. Э. Розенталь, характеризуя употребление местоимения *мы*, перечисляет добавочные смысловые и экспрессивные оттенки, которые проявляются в том или ином речевом контексте: *мы* может

употребляться в значении *я* обычно в публицистической и научной речи («авторское *мы*»), оттенок «скромности» имеет «редакторское *мы*», значение «возвеличивания» содержит в себе «монаршее *мы*», «крестьянское *мы*» свидетельствует о забитости дореволюционного крестьянина; местоимение *мы*, употребленное в значении *ты* или *вы*,

выражает сочувствие, сопереживание при обращении к собеседнику, это так называемое «докторское *мы*»¹.

А. Н. Гвоздев также пишет об особенностях употребления личных местоимений. Например, местоимение 1-го лица *я* при обозначении субъекта речи заменяется местоимением 3-го лица *он*. В этом случае «говорящий или размышляющий судит о себе со стороны, рассматривая себя глазами постороннего». По мнению ученого, «иногда такая замена местоимения производится для того, чтобы об интимном можно было бы говорить как о чем-то постороннем» [Гвоздев 1952: 120]. Кроме того, вместо местоимения единственного числа *ты* может употребляться местоимение множественного числа *вы*. «В этом случае между субъектом высказывания и собеседником увеличивается психологическая дистанция. И, наоборот, употребление вместо *вы ты* эту дистанцию уменьшает, а нередко воспринимается участником диалога как грубость, оскорбление, унижение» [Там же: 122].

Но в лингвистической литературе проявляется интерес и к тому, как в рамках одного текста сочетаются разные личные местоимения. При этом акцентируется внимание на их противопоставлении. Например, по мнению И. Б. Голуб, «обращение публицистов, писателей к местоимению *мы*, объединяющему в своем значении автора и его единомышленников, слушателей, читателей, подчеркивает единство взглядов, общность убеждений людей, живущих в одну эпоху, принадлежащих одному поколению. <...> При этом нередко местоимению *мы* противопоставляются местоимения *вы, они*, указывающие на представителей противоположных взглядов, на идейных противников, врагов»².

Сочетание разных личных местоимений в рамках одного лирического текста и будет в центре нашего внимания.

Почему для анализа выбраны лирические произведения? Во-первых, мы исходим из того, что смысловой центр таких текстов не может быть рассмотрен вне

лирического «я», т. е. лирического героя или персонажа как субъекта высказывания. В связи с этим интересно посмотреть, как на морфологическом уровне выражаются его чувства, психологические состояния и мысли. Причем «в подлинной лирике имена или другие уточняющие координаты “лирического я”, если и встречаются, то не далее, чем в заголовке стихотворения. В самом тексте лирический герой этих координат лишается, будучи целиком представлен местоимением» [Сильман 1970: 84]. Во-вторых, лирическое произведение представляет собой структуру, которая в концентрированном виде, как правило, на небольшом семиотическом поле совмещает различные грамматические компоненты, выражающие художественные смыслы, что удобно для проведения анализа.

Существуют исследования, посвященные семантизации местоимений в лирической поэзии. Так, О. П. Мурашева выделяет формы семантизации местоимения 1-го лица единственного числа. Это различные виды «собственного я»: «личностное я» (отражение сложности человеческой натуры); «функциональное я» (осмысление своей роли в различных областях жизни); «сопоставительное я» (слово от имени литературного персонажа, исторического лица, социального типажа). К «чужому я» относится «я лирического персонажа»; «олицетворенное я» (персонификация предмета, животного, явления, отвлеченного понятия); «определенное я» (растворение в предмете, природе) [Мурашева 2004: 14–15].

Анализ. В статье за основу взяты лишь отдельные формулы, фиксирующие различные прономинальные способы выражения субъекта и субъектно-объектных отношений. Причем в поле зрения попадают и притяжательные местоимения, указывающие на лицо.

Следует учесть, что при характеристике объектов нередко употребляются имена — существительные или личные местоимения 3-го лица в функции подлежащего (первые можно заменить вторыми). В прономинальную формулу такие местоимения мы вводим только в том случае, если они приобретают особую значимость.

Кроме того, в лирических текстах нередко употребляются односоставные предложения. Но в подобных случаях местоимения,

¹ Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1974. С. 161.

² Голуб И. Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. 4-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 280.

указывающие на субъект действия или состояния, легко восстанавливаются (в определенно-личных предложениях в функции подлежащего, в безличных — в функции косвенного дополнения, например: *(я) признаю — (мне) грустно*).

1. Я — МЫ — ОН. Такая формула представлена в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Дума», рассмотренном Ю. М. Лотманом в морфологическом ракурсе.

«Начало стихотворения провозглашает разделение субъекта и объекта. Субъект дан в форме местоимения первого лица единственного числа «Я», объект — местоимения третьего лица единственного числа: «состарится оно», «его грядущее» и прямо назван — «поколение». <...> Установив сложную систему отношений между «я» и «оно» («поколение»), Лермонтов в следующей части стихотворения резко ее упрощает, объединив субъект и объект единым «мы». <...> Оппозиция «я» — «оно» снята в «мы», и всё дальнейшее стихотворение строится на настойчивом повторении: «богаты мы, едва из колыбели...», «жизнь уж нас томит», «мы вянем без борьбы...», «мы иссушили ум...», «наш ум не шевелят» и т. п.» [Лотман 1972: 77, 79].

Ограничимся приведенными выше цитатами. Из них понятно, что лирический герой, в начале стихотворения поставивший себя выше своего поколения и занявший позицию судьи (*Печально я гляжу на наше поколение!*), уже в первой фразе употребляет притяжательное местоимение *наше*, по смыслу соотносящееся с местоимением 1-го лица множественного числа *мы*, которое далее активно употребляет в основном в форме именительного падежа, фиксирующего субъекта действий и состояний, подлежащих осуждению. Таким образом он фиксирует пороки своего поколения, а значит, и свои собственные. Такова жизненная позиция поэта.

В завершающей части стихотворения возникает образ потомка, который *со строгостью судьи и гражданина* оскорбит предыдущее поколение *презрительным стихом*. Имя существительное *потомок* легко можно заменить местоимением 3-го лица, ибо речь идет о человеке, осознающем временную и этическую дистанцию между собой и поколением *протавившихся отцов*.

Следовательно, морфологическую формулу, отражающую последовательность личных местоимений в стихотворении и изменения в его содержании, можно представить следующим образом: *1-е лицо ед. числа — 1-е лицо мн. числа — 3-е лицо муж. рода ед. числа*.

2. МЫ — МНЕ — ТЫ (ВЫ) — Я — МНЕ. В стихотворении С. А. Есенина «Мы теперь уходим понемногу...» читатель сталкивается с противоположной ситуацией: местоимение множественного числа предшествует местоимению в форме единственного числа.

В начале текста появляется фраза с предельно обобщенным содержанием, которая может быть отнесена к любому человеку: *Мы теперь уходим понемногу / В ту страну, где тишь и благодать*. Затем автор использует односоставное предложение с местоимением 1-го лица единственного числа в дательном падеже в функции косвенного дополнения, называющим субъекта состояния: после осознания печальной закономерности бытия, имеющей универсальный характер, лирический герой концентрирует внимание на *собственном* восприятии земной жизни (*Может быть, и скоро мне в дорогу / Бренные пожитки собирать*).

После обращения к реалиям бытия (поэт использует местоимения 2-го лица): *Милые березовые чащи! / Ты, земля! И вы, равнин пески!* — в тексте актуализируется местоимение *я*, выражая отношение к земным радостям и к тому, что ожидает человека после смерти. Причем при местоимении активно употребляются глаголы в форме прошедшего времени со значением ‘физическое, интеллектуальное и психо-эмоциональное действие’: *любил, продумал, сложил, дышал, жил, целовал, мял, валялся, не бил*, свидетельствующие о силе любви к тому, что *душу облекает в плоть*. В конце четвертой и в начале пятой строфы в анафорической позиции повторяется краткое прилагательное *счастлив*, приобретающее символический смысл (*Счастлив тем, что я дышал и жил; Счастлив тем, что целовал я женщин, / Мял цветы, валялся на траве, / И зверье, как братьев наших меньших, / Никогда не бил по голове*).

Отметим, что, выражая отношение к земной жизни, автор употребляет глаголы преимущественно несовершенного вида (кажется, что у действий и состояний нет

границ). Говоря же об отношении к противоположной пространственной сфере, поэт использует глаголы в форме настоящего времени, нередко в отрицательных конструкциях (*знаю, испытываю; не цветут, не звенит, не будет*), подчеркивая тем самым значимость земного бытия.

В заключительной строфе стихотворения употреблено местоимение 1-го лица единственного числа в дательном падеже (*Оттого и дороги мне люди, / Что живут со мною на земле*), актуализирующее отношение лирического героя к тем, кто его окружает.

Отметим, что аналогичное выделение из *мы* лирического *я* встречается, например, в стихотворении А. Дельвига «Пусть нам даны не навсегда...» [Панова 2018: 70].

3. МНЕ — Я — ОН. Эта морфологическая формула может стать определяющей в лирическом произведении.

В начале стихотворения Б. Л. Пастернака, открывающего лирический сборник «Когда разгуляется», встречается фраза: *Во всем мне хочется дойти / До самой сути*. Перед нами безличная конструкция с местоимением 1-го лица единственного числа в форме дательного падежа. Лирический герой жаждет душой и разумом постичь бытие, надеется дойти *до оснований, до корней, до сердцевины, всё время схватывая нить судеб, событий*. В обобщенной форме фиксируется психологическая и одновременно когнитивная закономерность.

А далее поэт рисует конкретные процессы, отражающие внутреннюю жизнь человека, и постоянно употребляет местоимение 1-го лица в форме именительного падежа, чем подчеркивает жизненную активность лирического героя, которая подается как нечто желаемое, возможное. Отсюда и глаголы в форме сослагательного наклонения: *О, если бы я только мог / Хотя отчасти, / Я написал бы восемь строк / О свойствах страсти; Я вывел бы ее закон, / Ее начало, / И повторял ее имен / Инициалы; Я б разбивал стихи, как сад; В стихи б я внёс дыханье роз, / Дыханье мяты, / Луга, осоку, сенокос, / Грозы раскаты*.

Возникает ассоциация со стихотворением А. С. Пушкина «Элегия», в первой части которой «лирический субъект нигде не выступает прямым носителем действия. Он лишь носитель состояния, лицо страдательное. Поэтому-то здесь и отсутствует “я”,

а есть лишь “мне”, “мой”. Иной “рисунок” слова во второй части. Лирический субъект теперь несет в себе ярко выраженное начало волеизъявления: впервые появляется “я”, множатся от строки к строке личные формы глагола. <...> Торжество воли и мысли, мощный порыв духовной энергии, запечатленный в словесно-интонационной системе второй части, — это и есть та “высота”, с которой теперь обозревается “грядущего волнующее море”» [Грехнёв 1994: 251–252]. И действительно, при местоимении *я* во второй части философской элегии А. С. Пушкина употребляются глаголы-сказуемые активного действия: *жить хочу, ведаю, утпуюсь, обольюсь*. Возникает резкий контраст предшествующему тексту: *Безумных лет угасшее веселье / Мне тяжело, как смутное похмелье; Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе / Грядущего волнующее море!* Безличная конструкция, в состав которой входит слово категории состояния с негативной окраской, усилена обилием лексем с отрицательно-оценочной семантикой.

Изменение падежной формы местоимения фиксирует изменение в психологическом состоянии лирического героя.

Вернемся к стихотворению Б. Л. Пастернака. Оно завершается развернутым сравнением: *Так некогда Шопен вложил / Живое чудо / Фольварков, парков, рощ, могил / В свои этюды. / Достигнутого торжества / Игра и мука — / Натянута тетива / Тугого лука*. Выделенные имена существительные в функции подлежащих могут быть заменены местоимениями 3-го лица. Таким образом поэт расширяет смысловое поле лирического текста, усиливая обобщение: то, что желаемо поэтом, уже намного ранее было воплощено в музыкальных произведениях композитора-романтика. Сходная ситуация обнаруживается и в пушкинской «Элегии»: *И может быть — на мой закат печальный / Блеснет любовь улыбкою прощальной*. Здесь уже в роли субъекта выступает не лирический герой, ведь чувство, которое он может испытать, воспринимается поэтом как субстанция, обладающая энергией саморазвития.

4. Я — ТЫ. В стихотворении А. С. Пушкина «Желание славы» можно выделить две части, построенные на взаимодействии местоимений 1-го и 2-го лица. Причем если в первой части произведения раскрывается

взгляд из «презенс изложения» («основная точка отсчета», настоящее время, из которой «излучаются воспоминания о прошлом, мечты о будущем» [Сильман 1977: 14–15]) в счастливое, идиллическое прошлое, то вторая часть — это печальное настоящее и «спровоцированное» им желаемое будущее.

В центре внимания оказывается психологическое состояние лирического героя, обращающегося к возлюбленной: *Я на тебя глядел и думал: ты моя; Ты знаешь, милая, желал ли славы я; Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлива? / Другую, как меня, скажи, любить не будешь? / Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?; Я наслаждением весь полон был... (прошлое) — Что я, где я? Стою, / Как путник, молнией постигнутый в пустыне, / И всё передо мной затмилось! И ныне / Я новым для меня желанием томим (настоящее) — Желая славы я, чтоб именем моим / твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною / Окружена была, чтоб громкою молвою / Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне, / Чтоб, гласу верному внимая в тишине, / Ты помнила мои последние моления / В саду, во тьме ночной, в минуты разлученья (будущее).*

Отметим, что, характеризуя настоящее, лирический герой сконцентрирован на собственных переживаниях, поэтому в тексте отсутствует его обращение к лирическому персонажу. При этом весь драматизм ситуации передают вопросительные и восклицательные предложения (*И что же?; Что я, где я?; И всё передо мной затмилось!*), однородные подлежащие с обобщающим словом, разрываемые анжанбеманом и связанные только интонационно (*слезы, муки, / измена, клевета, всё*), сравнительный оборот, осложненный обособленным определением (*Стою, / Как путник, молнией постигнутый в пустыне*). Все эти средства делают речь дискретной, резкой, экспрессивной, что соответствует изображаемой поэтом психологической ситуации.

Психологическое же напряжение лирического героя, устремленного в будущее, передается автором при помощи четырех однородных придаточных цели с повторяющимся подчинительным союзом *чтобы* и его разговорным вариантом *чтоб*.

5. ТЫ — ОНИ — Я — ОНА. Стихотворение Б. Л. Пастернака «Давай ронять слова...» представляет собой обращение

к другому человеку, на что указывает уже первая строка — определенно-личное предложение с легко восстанавливаемым личным местоимением 2-го лица единственного числа. Впоследствии это местоимение используется автором в двусоставном предложении, которое рефреном проходит через текст и становится его лейтмотивом (*Ты спросишь, / Кто велит, / Чтоб август был велик...; Ты спросишь, кто велит, / Чтоб губы астр и далий / Сентябрьские страдали?; Ты спросишь, кто велит?*), помогая автору создать атмосферу диалогизма (см. об этом: [Колокольцева 2017: 39]).

Далее дан ответ на поставленный вопрос: *Всесильный Бог деталей, / Всесильный Бог любви, / Ягайлов и Явиг.* Как и в других случаях, при характеристике реальности автор использует в качестве подлежащих имена существительные (*август, губы, лист*) и повторяющееся вопросительное местоимение (*кто* *заслезил, кто* *иссурьмил, кто* *велит*), которые можно заменить местоимением 3-го лица. Так поэт актуализирует дорогие ему детали окружающего мира.

В заключительной строфе (*Не знаю, решена ль / Загадка зги загробной, / Но жизнь, как тишина / Осенняя подробно*) на первый план выходит лирический субъект, обозначенный окончанием глагола в форме 1-го лица единственного числа. Формулируя философскую мысль стихотворения, субъект прибегает к парадоксу, о чем свидетельствует сопряжение понятий о детализированности материального мира и об осенней тишине. При этом поэт вновь не обходится без существительных-подлежащих, которые легко заменить личным местоимением *она*.

Такая морфологическая модель позволяет Б. Л. Пастернаку не только грамматически обеспечить речевую установку, предполагающую обращение к другому человеку, пусть и условное, риторическое, но и выразить собственное «я», которое проявляется прежде всего в развернутой характеристике объективной реальности.

6. ОН — ТЫ и Я. В начале стихотворения Б. Л. Пастернака «В больнице» изображен предметный мир: носилки, скорая помощь, минувшая сумятица улиц ночную, милиция, улицы, лица, мелькавшие в свете фонаря, приемный покой, опросный листок. Налицо нагнетание имен существительных, которые можно заменить

местоимениями 3-го лица. И наконец строфы о самом лирическом персонаже, оказавшемся в больнице: *Его положили у входа; К палатам, полам и халатам присматривался новичок; Он понял, что из переделки / Едва ли он выйдет живой; Тогда он взглянул благодарно в окно...* Регулярное употребление местоимения *он* обусловлено установкой автора стихотворения на повествование, в котором определяющую роль играет характеристика объектов. Поэт смотрит на происходящее со стороны, занимая созерцательную позицию. Лирический персонаж, обозначенный местоимением 3-го лица мужского рода, показан здесь как субъект действий и состояний.

Вторая часть стихотворения включает обращение героя к Богу, обращение, в котором раскрывается трепетное отношение к высшей силе (*О Боже, волнения слезы / Мешают мне видеть Тебя*), само физическое ощущение этой силы (*Кончаясь в больничной постели, / Я чувствую рук Твоих жар. / Ты держишь меня, как изделие, / И прячешь, как перстень, в футляр*) и осознание гармоничности мира, им созданного (*О Господи, как совершенны дела Твои*). Всё это возможно только в ситуации, предшествующей смерти человека.

Поэт, активно употребляющий обращение, местоимение 2-го лица *ты* и грамматически близкое ему притяжательное местоимение *твой*, причем используя заглавную букву в их написании, передает психологическое состояние человека, оказавшегося в ситуации контакта с божественной силой (как он сам эту ситуацию воспринимает и переживает).

Характеризуя употребление местоимения 2-го лица единственного числа, Н. М. Азарова подчеркивает следующую особенность: «В традиционных русских поэтических текстах “ты” читалось как обращение к любому адресату, а “Ты” как обращение к единственному адресату — Богу» [Азарова 2008: 197].

Не удивительно, что рядом с местоимением 2-го лица в стихотворении автор ставит и местоимение *я*, употребленное в двусоставных и безличной конструкциях (*я принял, плачу, чувствую; мне сладко*).

Художественная логика постепенного проникновения в психологический мир героя соответствует самой лирической

ситуации, которая как бы «очищена» от наслоений и противоречий, обусловленных включенностью человека в достаточно сложные, неоднозначные жизненные процессы.

Если сначала перед нами повествование о человеке, который оказался в больнице (*он*), то далее воспроизводится его внутренний монолог-обращение к Богу, раскрывающий мироощущение самого автора (*я и ты*).

Подобная форма повествования о событии придает стихотворению обобщающий смысл, фиксируя закономерность бытия и раскрывая систему жизненных ценностей, предельно близкую автору. Эффект «отстраненности» в первой части стихотворения в полной мере компенсируется развернутым внутренним монологом лирического персонажа, который мог бы произнести сам поэт.

Выводы.

1. Вне прономинальной формулы, способствующей раскрытию жизненной позиции (психологического состояния) субъекта высказывания, лирический текст не существует, что подтверждает справедливость следующего утверждения: «Лирика — искусство прономинальной направленности» [Сильман 1970: 84].

2. Употребление местоимения 1-го лица множественного числа означает включение лирического субъекта в некую общность (историческую, социальную и т. п.).

3. Сочетание в рамках одного лирического текста местоимений 1-го и 2-го лица способствует созданию атмосферы теплоты и душевности.

Это обращение к природе (лермонтовские «Тучи», стихотворение Ф. И. Тютчева «Тени сизые смешались...»), к родине (стихотворения А. А. Блока «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» и «Россия»), к любимой («На холмах Грузии...», «Я помню чудное мгновенье...», «Зимнее утро» А. С. Пушкина, «Я пришел к тебе с приветом...» А. А. Фета), к матери («Письмо матери» С. А. Есенина), другу («И. И. Пушкину» А. С. Пушкина), к читателю («Учись у них...» А. А. Фета, «Послушайте!» В. В. Маяковского), к самой душе («Еще земли печален вид...» Ф. И. Тютчева).

За обращением стоит желание поэта начать диалог с окружающим миром, стремление прорваться к сознанию и душе другого, внутренняя связь с которым

должна стать *психологической* реальностью, пусть подчас и иллюзорной.

Семантизация местоимения 2-го лица единственного числа, как отмечает О. П. Мурашева, приобретает разные формы: «*ты* лирического конкретного собеседника», «*ты* отвлеченного собеседника», «любовное *ты*», «сопоставительное *ты*» (противопоставление другим лицам или сравнение с ними), «*ты*, тождественное *я*» (неразличение субъекта и собеседника) [Мурашева 2004: 16–17].

4. Активное употребление поэтами имен существительных или местоимений 3-го лица, которые их могут заменить, обусловлено вниманием художников слова к объектам реальности, выступающим как субъекты действий или состояний и нередко оказывающимся в центре внимания.

5. Многообразие прономинальных формул свидетельствует о гибкости лирической структуры, так как последняя допускает различные варианты морфологического выражения субъекта высказывания и объектов, к которым он выражает свое отношение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова Н. М. Местоимения «ты» и «Ты» в языке поэзии и философии // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 197–204.
2. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952. 336 с.
3. Грехнёв В. А. Мир пушкинской лирики. Н. Новгород: Нижний Новгород, 1994. 464 с.
4. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в лирических произведениях (На материале поэзии А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Окуджавы, Р. Рождественского) // Русский язык в школе. 2017. № 11. С. 38–42.
5. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.
6. Мурашева О. П. Семантика и функции местоимений в поэтическом тексте // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1–2 (38–39). С. 13–19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мстислав Исаакович Шутан, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-филологических дисциплин

7. Панова Е. А. Лингвопоэтический анализ стихотворения А. Дельвига «Пусть нам даны не навсегда...» // Русский язык в школе. 2018. № 7. С. 67–71. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-7-67-71>.

8. Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977. 224 с.

9. Сильман Т. И. Синтаксико-стилистические особенности местоимений // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 81–92.

REFERENCES

1. Azarova N. M. Pronouns "you" and "You" in the language of poetry and philosophy. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2008;3: 197–204. (In Russ.)
2. Gvozdev A. N. Essays on the style of the Russian language. Moscow: APN RSFSR, 1952. 336 p. (In Russ.)
3. Grekhnev V. A. The world of Pushkin's lyrics. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod, 1994. 464 p. (In Russ.)
4. Kolokoltseva T. N. Dialogicality in lyrical works (Based on the poetry of A. Voznesensky, E. Yevtushenko, B. Okudzhava, R. Rozhdestvensky). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2017;11:38–42. (In Russ.)
5. Lotman Yu. M. Analysis of the poetic text: the structure of the verse. Leningrad: Education, 1972. 272 p. (In Russ.)
6. Murasheva O. P. Semantics and functions of pronouns in a poetic text. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2004;1–2(38–39):13–19. (In Russ.)
7. Panova E. A. Linguopoetic analysis of A. Del'vig's poem "Pust' Nam Dany ne Navsegda...". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2018;7:67–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-7-67-71>.
8. Silman T. I. Notes on lyrics. Leningrad: The Soviet writer, 1977. 224 p. (In Russ.)
9. Silman T. I. Syntactic and stylistic features of pronouns. *Voprosy Yazykoznaniiya = Topics in the study of language*. 1970;4:81–92. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 10.04.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 31.03.2022; accepted for publication 10.04.2022.